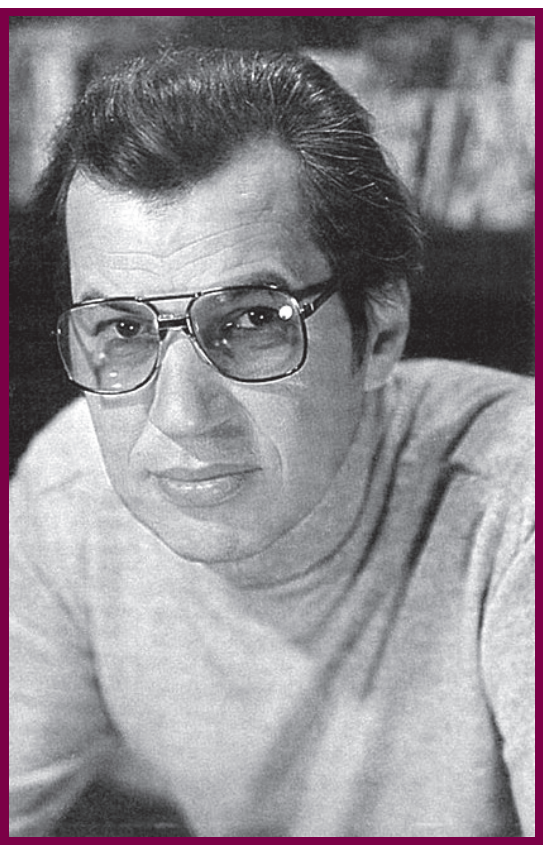
Price in NYC 50¢, outside of NYC $1

СКУЛЬПТУРЫ ПАРК АВЕНЮ

стр.2-3

СЕЙЧАС НЕ ОБ ЭТОМ



стр.4-6

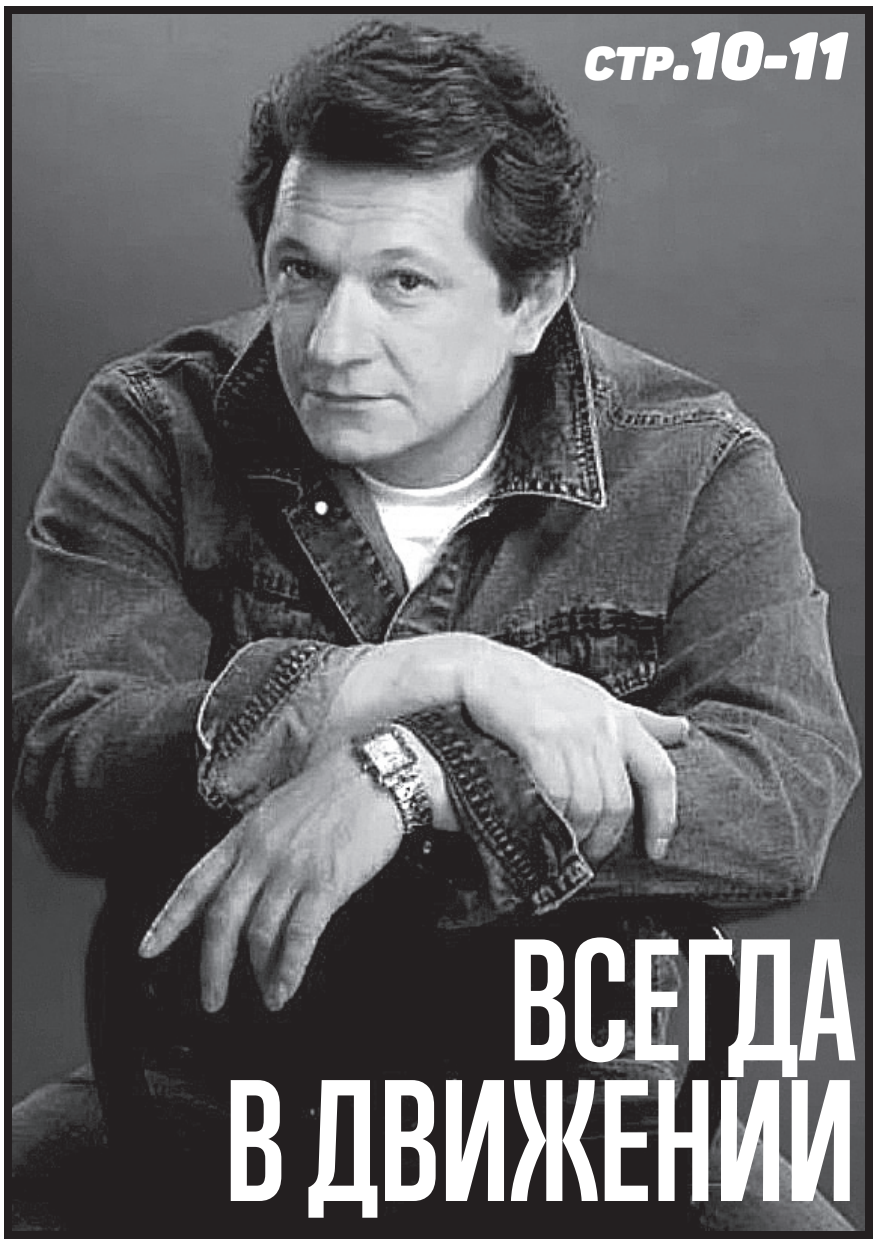
№28 (266)
ИЮЛЬ 2025

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

БУЛЬВАРНЫЕ НОВОСТИ

стр.7-9

СЧИТАЮ СЕБЯ КЛОУНОМ



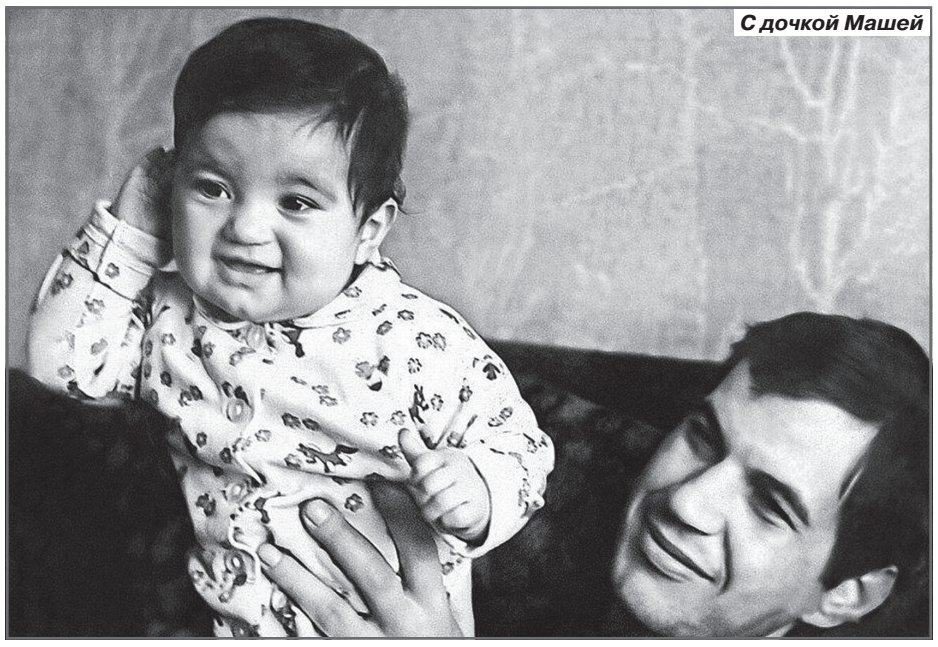
стр.10-11

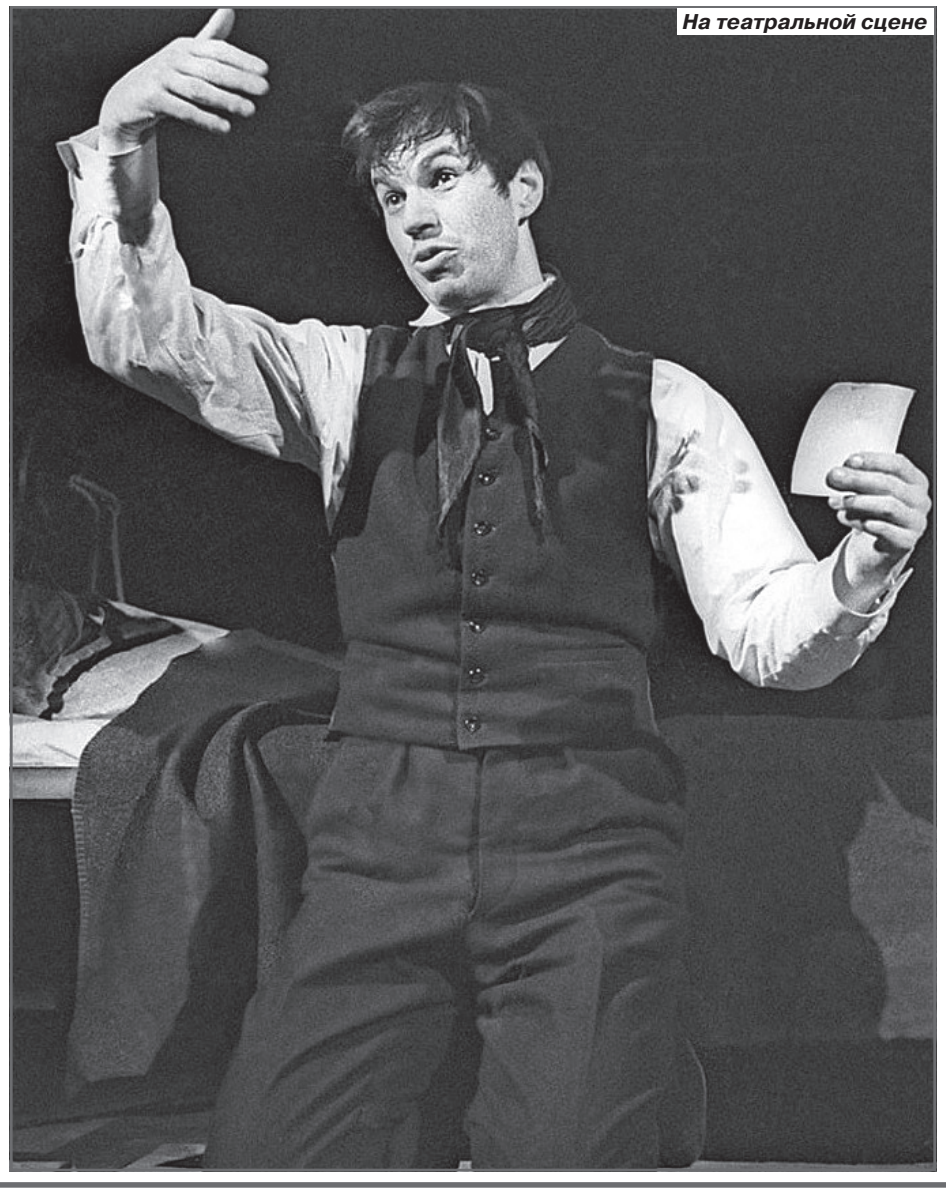
ВСЕГДА В ДВИЖЕНИИ

СЕЙЧАС НЕ ОБ ЭТОМ

С мамой

С женой Татьяной


С дочкой Машей


На театральной сцене

Геннадий Норд

Его алкоголики стали подлинными бриллиантами и жемчужинами советского кино, а он обижался, что в нём видят только комика, и мечтал о Гамлете, Ричарде III, Ван Гоге, Фаусте и Дон Кихоте…

А еще он продал родину.

Для многих зрителей - его современников он был не просто артист, а артист по-настоящему народный, не по званию, а по сути, хотя один его герой и продал родину за автомашину. Среди восьми десятков его киноработ не было грандиозных ролей. У него и главных-то ролей было не много. Но запоминался он сразу, с первого кадра, с первого слова. Это был человек из народа, в котором массовый зритель узнавал самого себя, и радовался, что в отдельные моменты он лучше героя, которого играл Георгий Бурков. Он был добр, невероятно обаятелен и при этом хитёр и лукав. Он был своим в любой компании, в любом коллективе как на экране и сцене, так и в жизни.

Родился Георгий 31 мая 1933 года в Перми - центре Пермского округа Уральской области. В свидетельстве о рождении было записано, что он Бурков - Бурковым он станет через 35 лет в Москве.

Отец, Иван Григорьевич, работал на крупнейшем в городе Мотовилихинском машиностроительном заводе, выпускавшем чуть ли не половину всех артиллерийских систем в стране. Начинал инженером, позже дослужился до должности главного механика.

Мама, Мария Сергеевна, не работала, вела домашнее хозяйство и воспитывала сына.

Родители очень любили единственного сына, а он очень любил папу и маму. Когда Жоре едва исполнилось шесть лет, отец раздобыл для всей семьи путёвки на «круиз» по Каме. Всё было замечательно: во время плавания любовались уральскими красотами, на стоянках пекли картошку в костре, купались, играли в волейбол.

Внезапно на пароходе Жоре стало плохо - от боли в животе он не мог говорить, только плакал. Осматривая Жору, судовой врач мрачнел с каждой минутой, а потом огорошил родителей: у мальчика брюшной тиф. Когда его привезли в пермскую больницу, доктора сказали, что ребёнок не выживет - вопрос нескольких часов, может быть, дней.

Жору спасла мама - надев сестринский белый халат, она попросту выкрала сына из больницы. Дома несколько недель мальчик метался в горячке, бредил, никого не узнавал, а мама лечила его травами и отварами, рецепты которых знала с детства, проведённого в деревне, и поставила на ноги сына, которому врачи давали несколько дней.

В семь лет Жора, как и положено, пошёл в школу. Учился ни шатко, ни валко, за отличными отметками не гнался, но много читал, и порой удивлял учителей своей эрудицией, смелостью и неординарностью суждений.

Уже тогда Жора решил, что станет актёром. Окончив школу, он сразу поехал в Москву поступать в театральный, но не прошёл даже во второй тур. Он вернулся в Пермь, на работу устраиваться не стал, сидел, по сути, на шее у отца, и едва не схлопотал срок за тунеядство.

На следующий год он снова поехал в Москву, и снова потерпел фиаско, а через год всё повторилось.

Родители уговорили сына поступить на юрфак местного университета. Параллельно с университетом он учился в вечерней студии Пермского драмтеатра.

Через два года Георгий понял очевидную вещь: не может он без театра. Родители были не в восторге, но теперь уже Георгий их уговорил, и отец много лет помогал финансово нищему актёру.

У Георгия было плохое зрение, с детства за очки его дразнили «четырёхглазым», и в армию его не призвали. После неудачных попыток поступить в театральный ВУЗ он подумал, что актёром можно стать и без диплома, и занялся самообразованием. Два года в Пермскую областную библиотеку он приходил первым, а уходил одним из последних.

Свидетельства об окончании театральной студии для поступления в какой-нибудь театр в родной Перми оказалось недостаточно, и тогда Георгий поехал за двести километров от областного центра в город Березники. В местном театре был большой дефицит актёров, Георгия посмотрели, и, невзирая на отсутствие диплома, приняли в труппу.

Дебюта долго ждать не пришлось - в своём первом спектакле Бурков выходил сразу в двух ролях, правда, обе они были без слов. Потом было «Кушать подано!», но вскоре ему стали давать роли покрупнее, репертуар его расширился, слава дошла до Перми, и его пригласили в тот областной драмтеатр, куда долго не хотели брать. Начинать опять пришлось с «Кушать подано!», но большие роли тоже пришли.

Кто-то рассказал московскому режиссёру Борису Львову-Анохину об уральском самородке, и тот в конце 1964 года позвал Буркова в Москву в театр имени Станиславского. Это было как нельзя вовремя: в театре было довольно много молодёжи, а Львов-Анохин стал, вероятно, самым близким Буркову театральным режиссёром. Бурков играл Федю Протасова в «Живом трупе». Он, следуя традициям русского театра, мастерски передавал достоинство униженного, величие жалкого.

Но шепелявого, сутулого, внешне чудаковатого провинциала с уральским говорком и непомерными амбициями, приехавшего завоёвывать Москву, столица приняла далеко не сразу. Он, как обычно, не отчаялся, и пока покорил юную актрису Таню Ухарову. Они вместе играли в

В фильме «Старики-разбойники» (1971)

С Валентиной Теличкиной в фильме «Зигзаг удачи» (1968)

«Маленьком принце» - она главного героя, а он Лиса. Георгий очень скоро позвал Таню, которая была младше него на 13 лет, замуж, и она так же быстро согласилась, хотя её родители категорически возражали.

В театре стали судачить, что «лимитчик» женится на москвичке из-за прописки. Таня была из интеллигентной семьи, её отчим, парторг крупного НИИ, вообще решил, что Бурков, у которого в Москве не было ни кола, ни двора, ни денег - брачный аферист из Перми, о котором недавно писала газета «Правда». Да и одет он был для москвича весьма импозантно, точнее говоря, странно.

Мария Сергеевна, как только Георгий сообщил ей о предстоящей свадьбе, тут же приехала в Москву. Влюблённая парочка встретила её на вокзале, и Таня маме с первого взгляда не понравилась.

Несмотря на возражения родителей с обеих сторон, в 1965-м Георгий и Татьяна официально оформили свои отношения. Жилья у молодой пары не было, скитались по съёмным углам, зарплата в театре у обоих была маленькая, и денег порой не было даже на метро. Но любовная лодка о быт не разбилась, а стала только крепче.

В 1966-м родилась дочь Маша, и лишь тогда им выделили малюсенькую комнатку в общаге. Бурков хорошо помнил, что такое родительская любовь, и, став отцом, окружил искренней любовью и теплотой свою дочь. Когда Маша подросла, счастливый отец увешал все стены в комнате её детскими рисунками.

Хорошие заработки пришли, когда Бурков начал сниматься в кино. В 1966-м, в год рождения Маши, он сыграл Хмыря в одноимённой короткометражке по рассказу Василия Шукшина. Потом была небольшая роль студента в киноновелле «Ангел» Андрея Смирнова и солдата Семёнова в советско-польском фильме «Зося».

Буркова увидел Эльдар Рязанов и позвал в свою комедию «Зигзаг удачи». Рязанов и стал главным кинорежиссёром в судьбе Буркова - семь рязановских комедий, в которых снялся Бурков, принесли ему всесоюзную популярность и всенародную любовь. Фраза про бандитскую пулю из «Стариков-разбойников» стала крылатой, и такая фраза была далеко не единственной.

Но у всякой медали есть и оборотная сторона: к артисту на всю жизнь приклеился ярлык непревзойдённого мастера смешного эпизода. Буркову же, порой, было не до смеха: он очень переживал, что может стать рядовым комиком-балагуром.

Вероятно, это и было самой большой трагедией актёра Буркова - несоответствие, как говорил Рязанов, лица спивающегося интеллигента и его, Буркова, внутреннего мира. Он был прирождённым комедийным актёром, но не хотел себе в этом признаться. Его алкоголики стали подлинными бриллиантами и жемчужинами советского кино, а он обижался, что в нём видят только комика, и мечтал о Гамлете, Ричарде III, Ван Гоге, Фаусте и Дон Кихоте. В своих дневниках, вести которые начал в двадцать лет, он

В фильме «Калина красная» (1973)

признавался, что у него много замыслов собственных пьес и сценариев, но так ничего и не написал.

В 1975-м Рязанов начал снимать «Иронию судьбы». У Буркова там была роль, но снова не главная и совсем не большая. Никто же не подозревал, что в том фильме любой эпизод станет шедевром, что всякая реплика уйдёт в народ - кто ж забудет бурковские «Я никогда не пьянею», «Сейчас не об этом» и другие. Во всех его фразах важно не то, что сказано - там нет ничего особенного, а совершенно непередаваемая интонация.

Во время первых ночных съёмок сцены в бане Андрей Мягков, Александр Ширвиндт, Александр Белявский к бутафорской водке и настоящему пиву добавили настоящую 40-градусную, и получился классический советский ёрш со всеми вытекающими последствиями.

А Бурков в тот момент не пил, и был жутко зол на своих партнёров - он-то пил воду вместо водки. Но троица явно перебрала, Рязанов понял, что они не играют, а в самом деле в стельку, съёмку прекратил, а назавтра всех чуть ли не обыскивал. Говорят, сцену снимали где-то под лестницей на «Мосфильме», но в это никто не верил.

В фильме «Ирония судьбы или С легким паром» (1975)

Невероятный успех картины снова вышел Буркову боком: его наперебой стали звать на роли прохвостов, выпивох и даже алкашей.

А в нашей стране испокон веков отождествляли актёра и его героя - если герой благородный, значит, и актёр такой же, если герой пьяница, значит, и актёр беспробудно пьёт.

Когда снимали «Гараж», что-то не клеилось, Рязанов объявил большой перерыв, и Бурков притащил вина. Настроение было паршивое, и когда пришёл Рязанов, все были чуть тёпленькие. Рязанов вне себя от ярости, понимая, чьих это рук дело, схватил Буркова за грудки, а тот, пристально глядя в глаза режиссёру, заплетающимся, больше чем нужно языком, спросил:

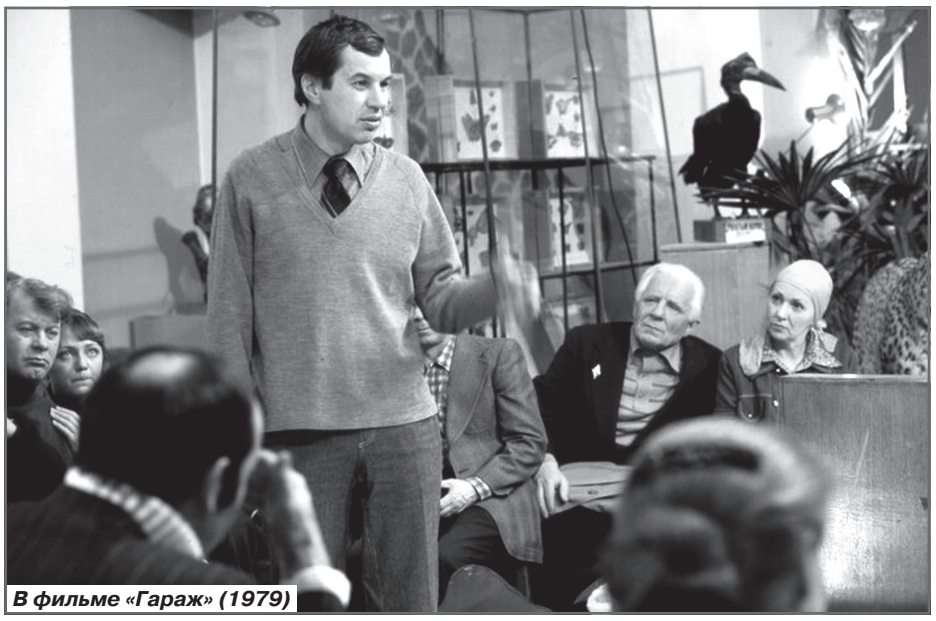
- Что, Эльдар, тяжко людям в глаза смотреть?

Рязанов сперва опешил, а потом захохотал, и начал снимать. Признание Виталия Фетисова, техника НИИ «Охраны животных от окружающей среды», которого играл Бурков, о том, что он за машину - «ушастый» «Запорожец» - родину продал, у тех, кто смотрел картину первый раз, вызывало шок и ужас, а потом безудержный смех.

В 1969-м начинающий режиссёр Сергей Соловьёв экранизировал рассказы Антона Чехова. В главной роли помещика Ивана Ломова он видел только Буркова. «Мосфильм» по каким-то, то ли меркантильным, то ли политическим соображениям продвигал на эту роль итальян-

Окончание на с.6

С Василием Шукшиным в фильме «Они сражались за родину» (1975)


В фильме «Гараж» (1979)

В фильме «Служебный роман» (1977)

Окончание. Начало на с.5

скую мегазвезду Марчелло Мастроянни, который в это время вместе с другой мегазвездой Софии Лорен снимался в Москве у третьей мегазвезды Витторио де Сикка в совместном советско-франко-итальянском фильме «Подсолнухи». Соловьёв, хотя и понимал, какие выгоды в настоящем и в будущем сулит работа с Мастроянни, упёрся, и утвердил Буркова.

Через два года Соловьёв позвал Буркова в свой первый полнометражный фильм «Егор Булычёв и другие» на роль Алексея Достигаева.

Роли, которые Буркову предлагали, ему нравились, и он легко, без уговоров, соглашался. И с режиссёрами ему везло - помимо Рязанова и Соловьёва он по три раза снялся у Сергея Бондарчука и Карена Шахназарова, дважды - у Николая Губенко, работал с Роланом Быковым, Алексеем Сахаровым, Виктором Трегубовичем. И, конечно, с Василием Шукшиным, с которым познакомился на съёмках фильма «Печки-лавочки».

Они подружились, стали практически неразлучны, хотя дружбе этой суждено было прожить всего пять лет.

Шукшин во многом перевернул жизнь Буркова. Он снял его в «Калине красной» в роли безжалостного убийцы по кличке Губошлёп.

Вместе Шукшин и Бурков потрясающе сыграли в картине Сергея Бондарчука «Они сражались за родину» - Петра Лопахина и его второго номера Александра Копытовского. В том фильме кого ни возьми - Юрия Никулина, Вячеслава Тихонова, Ивана Лапикова, Николая Губенко, Нонну Мордюкову, самого Бондарчука - все гениальны, но дуэт Буркова и Шукшина особенно выделялся. Может, потому, что остальные были как бы сами по себе, а Бурков и Шукшин почти всегда были вдвоём, связанные на экране длинным противотанковым ружьём, за которое частенько вместе держались, и это умножало впечатление от них на два. Где-то подспудно ощущалось, что эти два внешне простоватых человека и в жизни связаны чем-то большим, чем просто работа.

Бурков был первым, кто обнаружил мёртвого Шукшина в каюте донского теплохода, где жили актёры во время съёмок.

После похорон друга Бурков осиротел, у него даже характер поменялся. В память о друге он задумал открыть центр культуры имени Шукшина, ходил по инстанциям, ругался, уговаривал, но разрешение «пробил», а потом, практически, в одиночку создал центр в Москве.

Даром для Буркова это не прошло: в 1988-м он угодил в больницу, а там выяснилось, что он на ногах перенёс несколько микроинфарктов.

В 1977 году в Перми умер Иван Григорьевич. Маме было 68, Георгий очень за неё беспокоился, и уговорил переехать в Москву. К тому времени они с Таней получили долгожданную квартиру в самом центре Москвы на Фрунзенской набережной. Там они очень дружно жили вчетвером - Жора, Таня, Маша и мама Маруся.

Мария Сергеевна пережила сына на семь лет.

В театре имени Станиславского Бурков прослужил в общей сложности 15 лет. В 1969-м он ненадолго уходил в «Современник». Он сам хотел ставить спектакли, но ему этого не разрешали, и в 1980-м он ушёл во МХАТ, надеясь, что Олег Ефремов, с которым у Буркова ещё с «Современника» были хорошие отношения, позволит ему заниматься режиссурой, но надежды эти были тщетны: Ефремов говорил, что Бурков чудесный актёр, а постановка спектаклей - это совсем другая профессия.

Во МХАТе Бурков играл генерала Панфилова в «Волоколамском шоссе», Миколу Задорожного в «Украденном счастье» и других.

Однажды на спектакль «Так победим!» по Михаилу Шатрову, где Бурков играл Бутузова, приехал генсек Леонид Брежнев, уже очень нездоровый пожилой человек. Когда Бурков говорил свой монолог, у Брежнева выпал слуховой аппарат, и он очень громко на весь зал сказал, что ничего не слышит и не понимает. Бурков растерялся - что делать? Повторить всё снова и по слогам? Он выкрутился: стал говорить громче и медленнее, словно рассуждая.

В 1984-м Бурков перешёл в театр имени Пушкина, а в 1987-м - в другой МХАТ к Татьяне Дорониной.

В 1987-м Бурков вместе с Германом Лавровым снял свой единственный режиссёрский и очень добрый фильм «Байка» по сценарию Нины Семёновой. Для главной женской роли в этом фильме Бурков нашёл никому не известную Нину Усатову, и сам, конечно, сыграл главную мужскую роль.

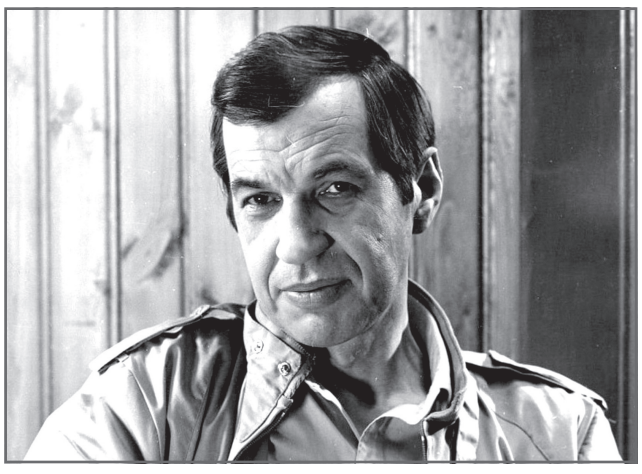
В пятницу, 13 июля 1990-го Буркову позвонил Рязанов и сказал, что собирается снимать трагикомедию «Небеса обетованные», и что специально «под Буркова» там написана одна из главных ролей - президента нищих со свалки Дмитрия Логинова. Бурков согласился сразу и попросил прислать сценарий. Рязанов сказал, что в понедельник сценарий отправит. Понедельник был 16-го.

В этот день у себя дома Бурков, чтобы достать книгу с верхней полки, залез на стул с колёсиками. Стул поехал, Бурков упал и сломал бедро. В больнице он пять часов ждал, когда придёт хирург. Буркова и родных поставили перед выбором: наложить гипс и месяца полтора сидеть дома, или сделать операцию, и уже через десять дней встать на ноги.

Ждать Бурков не мог, операция прошла успешно.

Но на следующий день он умер…

В фильме «О бедном гусаре замолвите слово» (1980)

В фильме «Профессия - следователь» (1982)

В фильме «Зимний вечер в Гаграх» (1985)